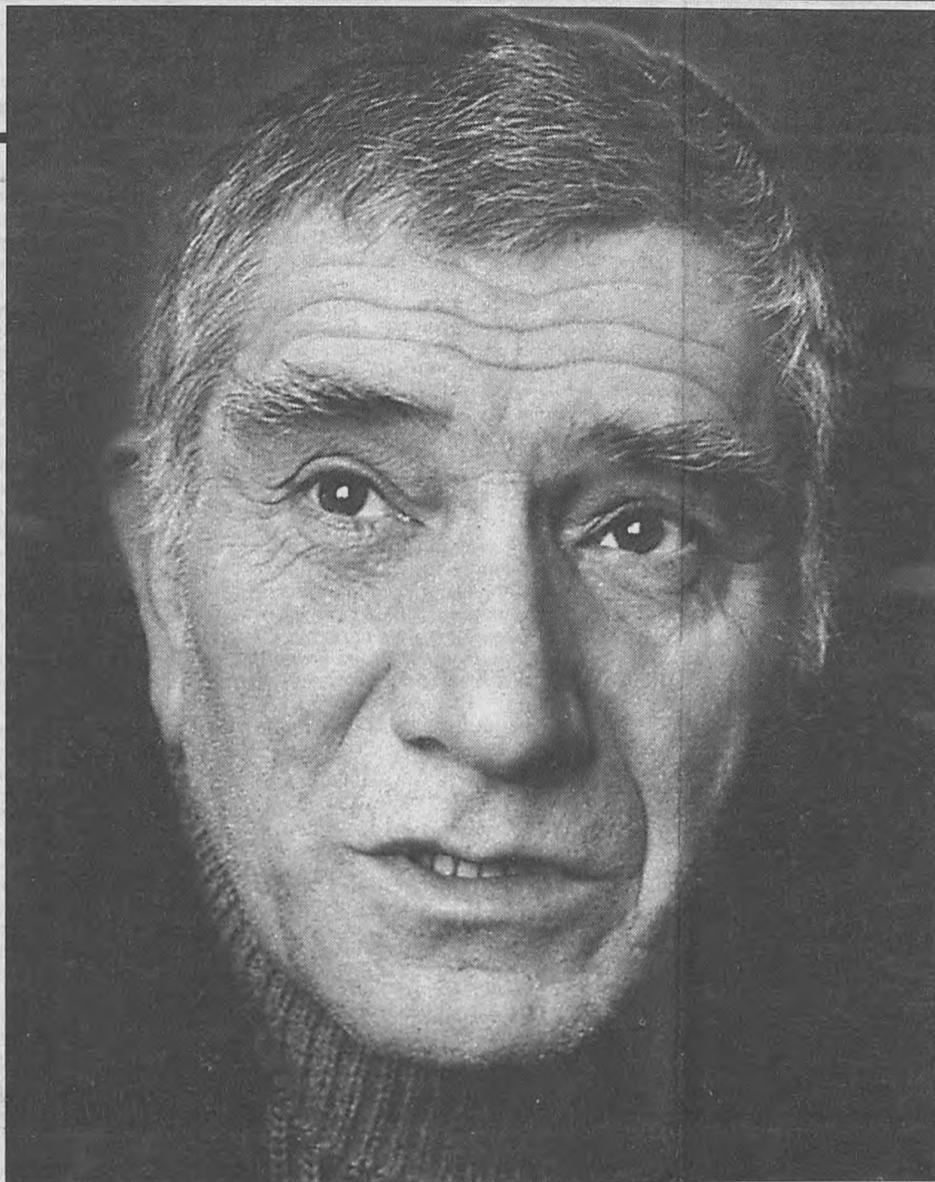

Экран и сцена.
1995. - 5-12 окт. -
с. 16

Каждая новая роль для Армена Джигарханяна – ступенька в постижении профессии. А так как ролей сыграно много, не погрешив против истины, можно сказать, что он – Профессионал. Один из тех, для кого умение стало подножием искусству. Участие Джигарханяна в спектакле или фильме – гарантия успеха. Личного – всегда.

3 октября ему исполнилось 60. Юбилей он встретит на очередной киносъемке.

Что-то в интервью Джигарханяна, в его разговорах с журналистами сопротивляется фамильярности, панибратству, едва ли не принятому в такого рода беседах. Журналисты держатся на расстоянии вытянутой руки, и, на мой взгляд, это происходит не по желанию самого Джигарханяна. С ним трудно быть на “ты”, разговаривать о дачах, машинах, квартирах и домработницах.

– Армен Борисович, почти про каждого известного человека ходит масса различных слухов. Вы же, по-моему, “превозмогли” всех своих коллег по актерскому цеху. Как вы относитесь к тому, что про вас рассказывают?

– С юмором.

– Имеет ли право зритель знать актера по ту сторону кулис?

– Право-то он имеет. Лишь бы это не разрушало то хорошее и светлое, что несет актер. Я ничего не скрываю. У меня нет никаких тайн. Но мне кажется, что об этом не стоит разговаривать. Когда я читаю, что у какого-то актера “Мерседес” лучше, чем у другого и если он только этим и живет, то дай Бог ему здоровья.

– А мне кажется, что подобное любопытство вполне понятно.

Армен Джигарханян:

“Искусство – это шанс”

– Наверное. Вспомните Дину Дурбин и Франческу Гааль. Страны, континенты одевались и причесывались так же. Правда, кому-то это шло, а кому-то и нет. Когда-то мы саркастически говорили “фабрика грез”. Я думаю, что искусство – это попытка вернуть людей к естественности, к настоящей жизни. Главное, чтобы в этом не было обмана. Ведь можно нарисовать и некую несуществующую мечту. И тогда получится, как у Толстого в “Живом трупе”. Помните, Протасов говорит: “Где она, та жизнь, о которой здесь поется”.

– Но считают, что театр – это обман. Правда, при этом добавляют, что обман в хорошем смысле слова.

– Если это обман, то это безнравственно. Скажем так: искусство – это шанс. Шанс всем Золушкам поверить в то, что можно стать принцессой и встретить своего принца. У Артура Миллера в пьесе “Все мои сыновья” есть гениальные слова о том, что все мы похожи на пассажиров, ожидающих поезда, который никуда не пойдет. Все равно человек должен найти выход, даже, если поезд никуда не пойдет. Значит надо искать другой поезд или идти пешком. Поймите меня – я не претендую на открытия, все это заложено в искусстве больших мастеров. Моцарт все равно зовет куда-то...

– Почему вы стали актером?

– Не знаю. Просто мне нравится этим заниматься.

– Вы тщеславны?

– Наверное, да. Иначе зачем я выхожу на сцену? Ведь я хочу, чтобы смотрели в мою сторону, а не в сторону другого актера. Весь вопрос в том, как говорит наш Андрей Александрович Гончаров: “Как это сделано, на чистом ли сливочном масле?”. Как сказано в Святом Писании: когда Господь захотел лишить человека разума, он дал ему гордыню.

– Как часто вам бывает плохо?

– Я не считал. Ведь все зависит от того, купаться ли я в этом “плохо”, делаю ли я это “плохо” образом жизни или пытаюсь

Беседу вела Алиса ВИТАЛЬЕВА

выкарабкаться, сам себе предложив, как говорят в медицине, отвлекающую терапию. С годами больше теряешь, нежели приобретаешь. Помните, как Большой Па в “Кошке на раскаленной крыше” говорит: “Я стал мудрее и печальнее”.

Путь к себе – он прямой. И может увенчаться успехом, если ты отбрасываешь все ненужное. Быть может, возможны и удары, ведь истина некрасива и очень неожиданна.

– Было ли в вашей жизни нечто такое, что можно было бы назвать чудом?

– Театр – чудо.

– Но ведь вы же сами его создаете.

– Сколько я отдаю, столько и получаю. Театр – это чудо. Я не лгу. Пока я еще испытываю восторг от театра.

– Как зритель?

– Как участник. Я испытываю такое количество эмоций, которое человек в одной жизни практически не в состоянии испытать. Искусство вообще, а театр в частности очищают человека. Я убедился в этом на собственном примере. В самую горестную минуту театр помогает. И дело вовсе не в том, чтобы в горести прийти в театр поплакать, а в радости – посмеяться. Я о другом. Когда-то давно я читал о великих актерах, которые в день смерти отца или матери выходили на сцену и играли спектакль.

– Что для вас несчастье?

– Это когда теряешь то, что невозможно вернуть. Медики говорят, что несчастье – это нечто разрушающее, ибо оно недействительно. Все остальные эмоции призывают к действию. Если тебе страшно, ты прячешься, бежишь, ищешь какой-то выход. Только горе не имеет действия. Все мы знаем шекспировское “Быть или не быть, но мало кто из нас задумывается над тем, как заканчивается монолог.

“Так трусами нас делает раздумье, И так решимости природный цвет

Хиреет под налетом мысли бледной И начинанья, взнесшиеся мощно, Сворачивая в сторону свой ход, Теряют имя действия”.

Теряют имя действия – это когда у тебя нет выхода, ты не знаешь, что надо делать. Вот это несчастье.

– Что для вас сцена – стимул для хорошего настроения, возможность заработать деньги, или еще что-то?

– Когда у меня горе – я держусь, я строг и закрыт, а на сцене я имею потрясающую возможность выплакаться. Хотя верно и то, что это моя работа и другим путем я себе на жизнь деньги не зарабатываю.

– В одном из интервью вы обмолвились, что не любите деньги.

– Есть люди, которые любят зарабатывать деньги и тратить их. Я – нет. Для меня было бы лучше, если бы эта проблема вообще не стояла.

– Но и бессребреником вас не назовешь.

– Вы правы. Более того, я думаю, что человек должен иметь цену: его труд, его профессия. Мы же росли в такой среде, что я, например, не знаю, сколько я стою на самом деле.

– Что для вас выше – духовные ценности или же материальные блага?

– В идеале – духовные ценности. Я пока держусь на книгах, музыке. И потом, мне кажется, что духовная ценность и на улице может встретиться – собаку, например, выгуливают. Это ведь тоже из области души.

– Вам грустно в жизни?

– Когда как.

– А отчего зависит ваше настроение?

– Я часто слышал про себя, что я очень крепкий, цементнобетонный. Но это видимость – на меня действует шум, ветер, что угодно. Согласитесь, что никто из нас не знает, что лучше и что тебя “питает”.

– Что питает вас?

– Не считите за оригинальничание, но для меня таблица умножения – потрясаю-

щая вещь. Я очень люблю природу, чувствую к ней порой какую-то нечеловеческую тягу. Природа очень много значит для меня.

– Чего бы вы не простили человеку?

– Я стараюсь либо все простить, либо на чисто отсечь. Очень трудно простить равнодушие. Даже активного противника могу простить... У Радзинского в “Беседах с Сокрытом” есть потрясающая фраза: “На войне есть одно преимущество – там все понятно”. Равнодушие очень трудно разглядеть. Причем истинное равнодушие очень гибкое и изощренное. И мне кажется, что именно на него мы чаще всего и ловимся.

– Что вы больше всего боитесь в жизни?

– Моя главная эмоция – страх. Начиная с самого примитивного – страх от того, что могут изувечить меня и моих близких.

И дело не только в криминальной обстановке – газету открыть страшно. Телевизионные новости порой смотреть страшно. Создается такое впечатление, что кругом только и делают, что грабят, насилюют и убивают. Однако страшнее другое: то что наше общество ничего не предпринимает. Если в обществе климат бездуховности, тогда никакие бронжилеты не спасут. Никто не говорит о достоинстве нации, о достоинстве людей.

Самолеты не летают – нет керосина – проблема. А то, что людей словно скот и в дождь, и в снег сгоняют в “накопители” в аэропортах – разве это не проблема? Мне кажется, что проблема с топливом куда легче разрешима, чем проблема отношения человека к человеку.

Я хорошо знаю Святослава Николаевича Федорова. Так вот для него самое главное – это человеческое достоинство. Быть может, пока это распространяется только на

его больных, на его сотрудников. У меня есть друг – главный врач санатория имени Герцена Александр Иванович Романов. Я смотрю на него и вижу – он любит людей, которые от него зависят.

Да, все то, что делают Федоров, Романов по сравнению с государством – это маленький масштаб, но из этих маленьких и складывается большое. И чем больше в нашей жизни будет таких людей, тем здоровее и добрее мы будем. Мы можем говорить друг другу “ты”, “вы”, “товарищ”, “сударь”, “сударыня”, но сначала мы должны как минимум уважать друг друга. А иначе... Однажды мы уже пережили и 37-й год, и страх, и глобальное стояние на коленях. А сейчас мы имеем изуродованное и обозленное общество. Врачевание души – трудный путь, требующий порой “хирургического вмешательства”. Но все равно в основе должно быть мое уважение к другому человеку, ибо только тогда оно вызовет в ответ и его уважение ко мне.

– Вы ощущаете свой возраст?

– Если и ощущаю, то по каким-то телесным проявлениям. Что-то схватило, что-то скрутило, что-то стало уже хроническим. А так – не ощущаю. Иногда слышу, что веду себя не по возрасту, как мальчишка. Но я ничего не делаю специально.

– Я не случайно заикнулась о возрасте. На одном из спектаклей “Театр Времен Нерона и Сенеки” я обратила внимание на слова молодого парня, сидевшего рядом со мной: “Если бы я в свои двадцать пять лет мог так же носить три часа по сцене, ни присев ни на секунду”.

– Именно по поводу Нерона я и получал больше всего упреков. Мол, в твоём возрасте это уже не солидно. Для меня не существует никаких комплексов по этому поводу. Поэтому, если мне завтра Гончаров предложит сыграть, скажем, – Ромео, и будет иметь какое-то решение, связанное именно со мной, думаю, что я возьмусь за это. Повторяю, что пока у меня нет комплекса.